

Традиционные культуры африканских народов – прошлое и настоящее. М., 2000. 272 с.

Это издание продолжает начатую еще в 1980-е годы сектором национальных и культурных проблем Института Африки РАН серию коллективных трудов, уже нашедших признание в среде ученых-африканистов как в нашей стране, так и за рубежом. Первый труд «Африка: культура и общественное развитие» вышел в свет в 1984 г. Затем появились «Африка: культурное наследие и современность» (1985), «Африка: взаимодействие культур» (1989), «Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе» (1996). Все эти работы ставят острые, злободневные вопросы о вкладе африканских народов в мировую культуру, вхождении традиционных культур в сегодняшнюю жизнь, взаимодействии и взаимовлиянии культур Запада и Африки, степени модернизации и тенденциях ретрадиционализма.

Объектом рассматриваемого исследования выбрано культурное пространство народов Черной Африки (Африки южнее Сахары), объединяемое общими цивилизационными чертами. Это совершенно оправдано, так как Северная Африка уже с VII в. вошла в культурное русло арабо-мусульманского мира, хотя и сохранила специфику и особенности, свойственные доисламскому периоду.

Коллектив авторов представлен известными африканистами, многие из которых (Р.Н. Исмагилова, В.А. Попов, О.Л. Николаева, Ю.А. Вознесенская) участвовали и в подготовке предыдущих выпусков. Р.Н. Исмагилова – ответственный редактор трех последних сборников. В рецензируемой работе продолжена традиция приглашения иностранных коллег как из Европы (д-р К. Элворт-Кречмер из Германии), так и из Африки (д-р К. Готшалк из ЮАР и доктор Ж.-Б. Мураири из Демократической Республики Конго). Особо следует отметить, что авторы отдали дань памяти крупному специалисту, основательнице религиоведения в африканистике Б.И. Шаревской, включив в книгу ее неопубликованную статью.

Рецензируемая работа написана на базе широкого круга последних обобщающих изданий и, что особенно ценно (и к большому сожалению российских ученых, встречается нечасто), – в ней использованы полевые материалы авторов. Четыре части, формирующие монографию, охватывают важнейшие комплексы культурного социума – традиционные социальные структуры и институты, верования и культы, традиционные системы воспитания и традиции семьи и брака, этнографическое описание исконных систем хозяйствования.

В предисловии ответственного редактора ставится основной вопрос монографии: традиционные этнические культуры в Африке – только ли прошлое? В Африке происходят неизбежные процессы модернизации. Активно усваиваются новые черты и особенности чуждой культуры, подтверждая мнение об открытости и особой динамике африканских народов, способных обогащаться за счет принятия и переработки иных ценностей. Однако остаются открытыми вопросы, связанные с характером и границами этого процесса: ведет ли он к полному уничтожению местных особенностей, подавляет ли «пришлые» элементы и лишает их своеобразия, а, быть может, постепенно формирует совершенно новые культурные общности?

Первая часть – «Традиционные социальные структуры и институты» – состоит из девяти глав. Открывает ее работа Б.И. Шаревской, дающая обобщенный принцип власти «священного царя-жреца». Автором выдвинуты теоретические положения, не утратившие ценности до наших дней, хотя со времени написания статьи прошло уже несколько десятилетий. В следующих пяти главах рассматривается современное состояние традиционных властей и структур в Нигерии, Гане, Зимбабве, Замбии, ЮАР. При всем разнообразии положения в этих странах отмечено общее – традиционные структуры власти не только сохраняются, но после ряда лет негативного отношения к ним правительств новых независимых стран наблюдается тенденция признания ценности этих структур и включения их в современную политическую жизнь. С одной стороны, заметно вовлечение представителей древних правящих династий в современную систему управления, наполнение традиционных структур новым содержанием. С другой стороны, новая элита – университетские преподаватели, дипломаты, банкиры – приобретает старые титулы и ранги.

Этот процесс идет все активнее, несмотря на распространенное мнение о сакральной сущности власти правителей и недопустимости передачи их ритуальных и политических функций. Принятые в ряде африканских стран законодательные акты, связанные с институтом традиционных правителей, авторы рассматривают с позиций и менталитета, и политики. Зачастую требования о восстановлении престижа и реальной власти вождей включаются в программы политических партий даже там, где те были после достижения независимости низложены или отстранены от реальной власти и политической жизни (например, программа 1993 г. Форума Зимбабве, находящегося в оппозиции к правительству – с. 50). Дополняя приведенные в книге факты, можно вспомнить, что в Уганде были восстановлены «королевства» и их правила, уничтоженные еще в 1950-е годы.

Особенно интересны материалы д-ра К. Готшалка о происходящих в ЮАР процессах. Правительство этой страны, находящееся после 1994 г. в авангарде демократических преобразований в Африке, вынуждено считаться с традиционными политическими институтами. Автор подробно рассматривает многие ас-

пекты политической жизни, в том числе и такой часто используемый в ЮАР ход, как поддержка многочисленных вождей разных народов с целью ослабить влияние самого одиозного правителя – зулусского вождя и одновременно главы реакционной партии «Инката – партия свободы». Более того, по мнению автора, новые законы, значительно ограничив права традиционных правителей, привели к тому, что те «не могут быть ни деспотическими иерархами колониального Департамента туземной администрации, ни доколониальными абсолютными монархами, а являются председателями собраний в духе прямой демократии» (с. 65). Хотя часть вождей считает недопустимым вовлечение их в партийную политику, большинство ею активно занимается, либо поддерживая определенные партии, либо создавая собственные, либо организуя союзы в защиту своих интересов, как, например, созданный Идебеле и Моутсе Конгресс традиционных правителей Южной Африки (с. 87). По мнению К. Готшалка, влияние их будет уменьшаться с урбанизацией и ростом технологически продвинутых профессий, так как вместе с этим «сужается поле ритуального воздействия».

Существенную часть традиционной общественной структуры африканских народов составляли (а кое-где и ныне составляют) возрастные классы. Авторами подчеркивается всеобщность этого института для континента (с. 81), тогда как в африканистике сложилась традиция считать его типичным лишь для восточноафриканских этносов. После компактного изложения истории изучения этого сложного социального феномена, определяющего всю жизнь племенных обществ, дана сжатая картина современного состояния проблемы. Только в немногих достаточно изолированных обществах система возрастных классов сохранялась и во второй половине XX в. Иногда она использовалась и используется в конфликтных ситуациях и современными политиками, например, во время национально-освободительных войн против европейских колонизаторов, как это было в Гвинее, Анголе, Мозамбике. Авторы приводят и примеры, связанные с гражданской войной в Судане, с восстанием Мау-Мау и межэтническими столкновениями 1991 г. в Кении.

И там, где эта система существовала в остаточной форме, и там, где исчезла совсем, ныне она воспринимается как важная часть народной традиции. Ее предлагают сохранить, или, чаще, воссоздать. Наиболее наглядно это прослеживается в Эфиопии, что наблюдали и авторы (Р.Н. Исмагилова, О.Н. Николаева), и рецензент во время историко-этносоциологической экспедиции в 1990–1992 гг. В материалах Международной конференции по эфиопским исследованиям (Киото, 1997 г.) жизнеспособность системы возрастных классов у оромо, ведущих традиционный образ жизни, зафиксирована и в самом конце XX в. Политические деятели этого народа выдвигают даже требования положить принцип возрастных классов в основу политического устройства страны, полагая, что это отвечает демократическим требованиям нашего времени (прежде всего имеются в виду сменяемость и выборность властей). Совершенно справедлив вывод автора этой главы К.П. Калиновской о том, что «институт возрастных классов у ряда народов Африки – это элемент культурной традиции и как таковой продолжает проявляться в разных сферах жизни современных обществ» (с. 85)¹.

В эту же часть вошли главы о тайных религиозно-магических обществах. Обычно эта тематика связывается с традиционными верованиями. В данном случае такое «нарушение традиций» африканистики совершенно оправдано. Эти общества (или союзы) занимают двойственное положение. Возникнув еще в недрах племенного строя, они выполняют функции как идеологические, так и организующие. Безусловно, важнейшими их чертами являются вера в сверхъестественное и убеждение в тесной связи его с жизнью социума. Не менее важна и социальная роль этих институтов, обеспечивающая статус-кво в племени. Позднее такие союзы служили проводниками политики верхушки и правителей раннеполитических объединений и в отсутствие полиции и четко разработанной судебной системы выполняли их функции. Ныне тайные общества еще сохраняются в странах Гвинейского побережья и часто рассматриваются, согласно циркулярному письму нигерийского правительства, как «культурные и относящиеся к традиционным религиям ассоциации» (с. 92). Тем не менее они и сегодня, несмотря на осторожное отношение к ним гражданских властей и ограничение их деятельности в городах, продолжают играть руководящую роль в жизни отдельных этносов, главным образом в бытовой сфере (например, общества Экпо или Огбони у нигерийских народов ибидио и йоруба).

Можно добавить, что тайные общества давно стали межэтническими и даже межгосударственными (так, Поро существует в Гане, Либерии, Сьерра-Леоне). В них нередко участвуют интеллектуалы, как, например, в Реформированном братстве Огбони, члены которого (крупные чиновники, бизнесмены, политические деятели) стремятся взять лучшее из старых традиций и соединить его с ценностями христианства и постиндустриального мира. О жизнеспособности института тайных обществ, его укорененности в массовом сознании свидетельствует и возникновение его в новых сферах жизни, таких как студенческая среда крупных университетов Нигерии.

В шести главах второй части – «Традиционные верования и культы» – рассматривается современное состояние традиционных верований в ряде стран Западной и Центральной Африки. Особенно интересны разделы, построенные на материалах недавних полевых исследований в Бенине и Демократической Рес-

публике Конго. В настоящее время значительная часть африканцев – приверженцы христианства и ислама; переход от локальных культов к мировым религиям продолжается и ныне. Так, во второй половине XX в. «религия йоруба потеряла около 40% своих приверженцев» (с. 104). Однако, во-первых, до сих пор немало африканцев официально зарегистрированы как приверженцы местных культов (до 15% в Эфиопии, 50 в Того, около 20 в Нигерии, 80 в Мали, 55 в Кот д'Ивуаре, более 50 в Республике Кении, более 33 в Демократической Республике Конго, около 60 в Зимбабве, более 50% в Буркина-Фасо и т.д.)². Во-вторых, многие христиане и мусульмане сочетают обрядность этих религий с соблюдением местных ритуалов. Так, автору этих строк в Кот д'Ивуаре сказали: «Неважно, мусульмане мы или христиане – все равно у нас дома стоит фетиш». То же отмечали и интервьюируемые А.А. Громыко представители интеллигенции Сенегала, Ганы, Либерии³.

Сейчас растет интерес к традиционным верованиям, наблюдается их переоценка, они рассматриваются как культурное наследие (с. 115). Увеличение их доли в духовной жизни африканских стран идет и через «африканизацию» католичества, и через обращение к народным праздникам. Это происходит даже в тех случаях, когда страна официально объявляется христианской, как Замбия, или исламской, как Мавритания. Ж.-Б. Мураири подчеркивает также, что традиционные религии к тому же выступают как хранители этики и морали. Так, заповеди бахунде содержат такие общечеловеческие установления, как «не убий», «не укради», «не лги», «уважай и почитай предков и старших» и т.п. (с. 145). Несомненно прав К. Элверт-Кречмер, утверждающий, что «сама система верований не перестает удовлетворять потребности людей в объяснении основ мироздания и окружающего мира». Кроме того, «эта вера помогает им посредством ритуальных обрядов бороться с заболеваниями, несчастьями, бесплодием, а также засухой» (с. 153).

Очень важный аспект, затронутый в рецензируемой книге, – связь местных верований с традиционной медициной, которая становится все более востребованной в современной Африке. В монографии дана многоаспектная характеристика этого феномена духовной жизни как основополагающего мироощущения, как системы регуляции этической стороны существования социумов и т.п.

Пять последующих глав составляют третью часть книги – «Традиционные системы воспитания. Традиции семьи и брака». Пожалуй, в таком целостном виде проблема поставлена впервые. Более ранние работы⁴ посвящались главным образом традиционным нормам, господствовавшим в доколониальный период, и лишь в небольшой степени – их изменениям в XX в. В рецензируемой же работе основное внимание обращено на реалии сегодняшнего дня, на проблемы преемственности, противоречивости, возможных компромиссов старых и новых систем образования и норм семейно-брачных отношений, введенных европейцами.

Системам воспитания, социализации, правилам включения молодежи в жизнь всего общества, имеющим свою специфику в каждом этносе, присущи, вместе с тем, общие черты. Все чаще раздаются голоса людей, недовольных современной системой образования, оторванной от реальной жизни и традиционных ценностей. Интерес же к сложившимся веками традициям возрастает. Главным в них, как подчеркивается в книге, было то, что «коллективные интересы явно преобладали над индивидуальными, личными, а действия отдельного человека рассматривались как тесно связанные со всем обществом и миром» (с. 171). Воспитание и образование подчинялось нуждам социума, основной упор делался на практические знания и навыки, на определение места человека в реальном и ирреальном мире. В исламизированных и христианизированных обществах немалое значение приобретало духовное образование, получаемое в коранических школах и многоступенчатой системе церковных школ в Эфиопии. Все это обеспечивало жизнь в общинах, ведущих традиционный образ жизни.

Динамика современной жизни, растущая урбанизация, новые занятия, иная структура общества требуют перемен в системе воспитания и образования. Однако современная система западного образца вызывает нарекания за отрыв от реальной жизни, дробность образования, разрыв традиций. И снова, и снова африканские ученые и педагоги ратуют за возврат к прежним методам обучения, часто оценивая их не критично. Трезвые голоса звучат гораздо реже.

Видимо, прав А.-С. Мунгала, считающий, что в традиционной системе обучения имеются как положительные, так и отрицательные стороны⁵. Самым главным достоинством ее он считает органичность, коллективность и прагматичность. Мунгала подчеркивает, что традиционное обучение было основано на представлении о глубокой связи человека с природой и сверхъестественным миром, а также на «поливалентности», когда, в отличие от современной системы образования, нет отдельных, оторванных друг от друга дисциплин. Самым же важным, по его мнению, было воспитание чувств коллективизма, взаимопомощи, уважения к предкам и старшим, к духу закона, а также приобщение к традиционным моральным ценностям – храбрости, послушанию, чувству ответственности. Но в отличие от многих других⁶, он видит и то, что называет «антиценностями» – воспитание страхом, подавление инициативы и поощрение зависимости, препятствующие развитию творческой личности. Его мнение созвучно выводам авторов книги о том, что речь должна идти, безусловно, «о синтезе традиционных и современных форм и методов обуче-

ния путем внедрения в современную африканскую школу основных принципов традиционного воспитания» (с. 187–188).

Обязательным, если не главным компонентом традиционных систем воспитания, вообще социализации индивидуума были инициации. И вполне справедливо, что этой теме посвящена отдельная глава. Ведь в той или иной форме они существуют и поныне. Автору рецензии рассказывали в Абиджане (Кот д'Ивуар), что состоятельные горожане, обучающие своих детей в престижных колледжах в стране или даже Европе, на лето отправляют их к деревенским сородичам для изучения обрядов инициаций. В книге проводятся чрезвычайно интересные полевые наблюдения 80-х годов XX в. в Мозамбике. Особенно ценны заметки об обрядах инициации для девочек, тем более что, как правило, африканисты, да и этнографы других направлений описывают достаточно подробно лишь мужские инициации. Ныне изменяются и ритм, и образ жизни, но все громче звучат требования не отменять эти обряды, а приспособить их к происходящим изменениям – занятиям в школе, различным поездкам, сократив длительность инициаций (ранее они продолжались несколько месяцев) и связанные с ними расходы. Жаль, что из обрядов жизненного цикла, известных современной Африке, авторы ограничились описанием лишь состояния инициаций. Ведь иные – родильные, свадебные, похоронные, обряды перехода в другие социальные группы – еще живы, хотя и модернизируются, вызывая дискуссии по поводу их совместимости с сегодняшним образом жизни.

Еще три главы третьей части книги посвящены изучению семейно-брачных отношений на примере Эфиопии, Замбии и Зимбабве. При значительном разнообразии форм брака у народов этих стран заметны общие черты, связанные с изменениями в обществе в целом – увеличение доли малых (нуклеарных) семей, упрощение разводов, законодательное признание равенства мужчин и женщин. Вместе с тем все еще сильны традиционные нормы – значительная устойчивость больших (расширенных) семей с руководящей ролью старшего поколения, отсутствие свободного выбора партнера для молодежи, вступающей в брак, а также условий для подлинной реализации уже провозглашенных равных с мужчинами прав женщин. Авторы глав оперируют данными 1980–1990-х годов. Однако и более поздние исследования⁷ показывают, насколько верен их вывод о том, что «современные, новые нормы жизни лишь поверхностно затронули семейно-брачные отношения, которые, вероятно, еще долго будут оставаться одним из основных оплотов традиционных жизненных укладов» (с. 220) и что «эта область обычного права является одной из наиболее консервативных его составляющих» (с. 226).

В последней, четвертой части – «Традиционные культуры народов Африки. Этнографическая характеристика» – объединены главы о народах, принадлежащих к основным хозяйственно-культурным типам континента. Земледельцы представлены народами акан, скотоводы – фульбе, охотники и собиратели – бушменами (саан). В главе о земледельческом хозяйстве автор (В.А. Попов), к сожалению, оставил в стороне вопрос о земледелии с применением пахотных орудий (правда, оно не типично для Африки южнее Сахары) и мотыжного земледелия саванн (наиболее характерно для африканцев), ограничившись описанием лишь мотыжного земледелия тропического пояса, отличающегося и набором сельскохозяйственных культур, и технологией, и некоторыми другими особенностями. В частности, как справедливо отмечает автор главы, «циклично-залежная форма» с периодическими расчистками залежи, а не подъема целины – особенность земледельческого хозяйства этого природного пояса. Оно обеспечивалось особыми агротехническими приемами, прежде всего правильным подбором и чередованием главных культур, что позволяло использовать разнообразие почв и продлевать сроки непрерывной эксплуатации одного участка. Автором (В.А. Попов) дан очень емкий очерк истории, хозяйственной деятельности, традиционной идеологии, политогенеза акан и повторен разработанный им в более ранних трудах принцип вторичной многоукладности доколониальных этнополитических организмов акан и их переходный характер от первичной к вторичной формации (с. 235).

В качестве типичного примера скотоводческого народа выбраны фульбе, что, безусловно, оправдано. Этот народ, широко расселившийся от Сенегала и Гвинеи до Камеруна, до сих пор вызывает споры и дискуссии своим загадочным происхождением, непохожестью и внешностью, и хозяйственным укладом, и языком на соседей-земледельцев. Особенности культуры скотоводов Африки (а это довольно значительная часть современного населения континента) показаны на примере фульбе-бороро – пожалуй, единственной группе этого народа, все еще ведущей традиционный образ жизни. Немалое место в главе отводится обзору различных точек зрения на этногенез фульбе. К сожалению, в стороне остается, на наш взгляд, немаловажная проблема взаимодействия земледельческих и скотоводческих народов, живущих в Западной Африке в очень тесном соседстве.

Третий тип хозяйства и культуры – охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ – представлен в монографии бушменами (саан). Как справедливо указывается в соответствующей главе, бушмены, несмотря на голландско-бурскую и английскую колонизацию и оттеснение в труднодоступные и тяжелые для жизни районы (а отчасти благодаря этому), сохранили многие черты весьма древней культуры в первоизданном виде. Использование автором этнографических материалов исследователей, пользовавшихся методом включенного

наблюдения, когда они в середине и конце XX в. многие месяцы жили в пустыне вместе с бушменами, ко-чужа с ними и деля все их трудности, делают главу особо ценным. По мнению японского исследователя Джиро Танаки, бушмены и ныне живут так, как жили их предки тысячелетия тому назад (с. 249).

В этой части книги, к сожалению, все внимание сосредоточено на сугубо традиционной культуре. Между тем даже при сохранении привычного, сложившегося веками образа жизни и земледельцы, и скотоводы, и охотники вовлечены в современный ритм жизни. В земледелии (в том числе и у народов тропического пояса) велики изменения, обусловленные появлением плантационного хозяйства, выведением значительной части земель из-под продовольственных культур, давлением на землю, применением новых технологий и орудий производства (трактора с плугами, разрушающими тонкий слой плодородной почвы), введением экспортных культур и т.п. О том, что скотоводы по разным причинам (из-за экономических трудностей и многолетней засухи) зачастую вынуждены переходить к новым занятиям, переселяться в города, в рецензируемой книге говорится скороговоркой (с. 244). Что касается охотников-собираателей, то сообщаемые лишь полутно сведения о разведении ими коз, возделывании сельскохозяйственных культур, использовании железных предметов, спичек, готовых точилок и т.п. (с. 250–251) свидетельствуют, что даже группы, отказывающиеся от «модернизации», далеки от образа «древнего, неизменного» типа культуры. Значительная же часть бушменов в Ботсване, Намибии, ЮАР, Анголе работают в фермерских хозяйствах, на алмазных коях, золотых рудниках, активно сотрудничают с туристическими фирмами. Многие из последних в свои туры наряду с посещениями национальных парков включают и посещения селений бушменов.

Главное достоинство книги – в показе того, что традиционные культуры – не достояние лишь прошлого; они продолжают существовать и развиваться (с. 15). Можно отметить, правда, неравномерность объема отдельных глав, неунифицированность терминологии. Так, нередко терминами «король», «царь», «вождь», «абсолютный монарх» обозначают одно и то же лицо, а терминами «княжество», «вождество», «государство» определяют одну и ту же структуру. Сущность же власти и политических союзов в африканских обществах имела совершенно иной характер. Логичнее было бы называть лиц, обладавших властью в доколониальных структурах, «традиционными правителями разных рангов», а в условиях современности, учитывая их принципиально иной статус, – «носителями титулов», как это делают некоторые авторы коллективной монографии.

Книга имеет подзаголовок – «прошлое и настоящее». К сожалению, в разных разделах монографии соотношение этих составляющих в культуре выявлено неравномерно. Наиболее полно это сделано в отношении характеристики традиционных социальных структур и верований, менее полно – в разделе о воспитании и образовании, совсем недостаточно – в четвертой части. За «кадром» остались многие существенные для этой тематики проблемы (частично это было оговорено в предисловии), среди них проблема сохранения и модернизации традиционных культур в городской среде, разработка которой все больше становится настоятельной задачей современной африканистики, а также столкновение юридических норм с европейским правом и взаимодействие материнского и отцовского права в условиях растущего числа смешанных браков, социокультурные аспекты миграций и складывание либо сохранение инонациональных общин, изменение в силу роста межкультурных связей в антропонимической системе, складывание надетнической, весьма условной, «африканской» культуры (как в материальной, так и в духовной сферах современной жизни) и т.п. Все это, однако, не столько недостатки книги, сколько призыв к авторскому коллективу продолжить чрезвычайно важное направление исследований.

Примечания

¹ Ethiopia in broader perspective. Papers of the XIIIth International Conference of Ethiopian Studies. Vol. I–III. Kyoto, 1997.

² См.: Страны Африки – факты, события, цифры. М., 1999.

³ См.: Беседы об африканском искусстве // Громыко А. Маски и скульптура Тропической Африки. М., 1985. С. 313–333.

⁴ Из наиболее удачных назовем следующие: Симицына И.Е. Человек и семья в Африке. М., 1982; Ксе-нофонтова Н.А. Народ Зимбабве. М., 1986; Мир африканской деревни. М., 1999.

⁵ Mungala A.-S. L'éducation traditionnelle en Afrique et ses valeurs fondamentales // Ethiopiques. Rev. socialiste de culture Negro-africaine. № 29. Dakar, 1982. Подробнее см.: Львова Э.С. Этнография в странах Западной и Центральной Африки // Этнографическая наука в странах Африки. М., 1986. С. 43–45.

⁶ См., напр.: Nata Voubou. Essais d'analyse de l'éducation africaine. P., 1968. P. 11, 161, 258 etc.

⁷ См., напр.: Екеома Ричард Чиемека. Социокультурные факторы формирования семейно-брачных отношений в современной Нигерии. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2001.